

XX 63 II

МУРЗИЛКА

№ 7

ИЮЛЬ
1945

Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ *Т. В.*

1883—1945

Портрет работы Г. ВЕРЕЙСКОГО

ТОПОР

Пошёл топор по дрова, постукивает по горелым пням, посмеивается:

— Моя воля: хочу зарублю, хочу мимо пройду, я здесь хозяин.

А в лесу берёза росла, кудрявая, старым деревьям на радость.

Увидал топор берёзу и закуражился:

— Кудрявая, я тебя подкудрявлю: начну рубить, только щепки полетят.

Испугалась берёза.

— Не руби меня, топор, меня дождик в невесты сватал, мне жить хочется.

— А ну-ка, поплачь!

Золотыми слезами заплакала берёза, ветки опустила.

Захохотал железный топор, наскочил на берёзу, только щепки полетели.

И заугрюмились деревья и пошли шептать про злое дело по всему лесу тёмному, вплоть до берёзового моста.

Срубил топор, повалилась берёза и, как была, легла, кудрявая, в траву, в цветы голубые.

Ухватил её топор, поволок домой.
А итти топору через берёзовый мост.
Мост ему и говорит:

— Ты зачем в лесу озорничаешь, сестёр моих рубишь?

— Молчи, дурак!—огрызнулся топор.—
Рассержусь—и тебя зарублю.

Не пожалел спины, крикнул и сломался мост. Топор шлёпнулся в воду и потонул.

А берёза плыла по реке в океан-море.

★

Выдающийся русский писатель Алексей Николаевич Толстой написал для детей сказочную повесть «Золотой ключик, или приключения Буратино», повесть о русском мальчике — «Детство Никиты». Он собрал и проредактировал для детей «Русские народные сказки». Прочтите эти книги А. Толстого.

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

ПОБЕДА

XX 63
— 11

Е. ТРУТНЕВА

Рис. Г. ЕЧЕИСТОВА

Солнце в трубу золотую трубит —
Слава герою-бойцу!
Враг ненавистный смят и разбит —
Слава герою-бойцу!

— С врагами я бьюсь, — говорит боец, —
На это и жизни не жаль,
Но меч для меня ковал кузнец,
Крепка и бела его сталь.

— Я выковал меч, — кузнец говорит, —
И меч мой, как солнце, горит.
Но сталь для него — дорогой товар —
Принёс мне мой брат сталевар.

— Конечно, — сказал сталевар, — металл
Я сам из руды достал,
Но в тёмные недра Уральских гор
Спускался не я, а шахтёр.

— Достал я руду, — шахтёр сказал, —
Забой у меня каменист,
Но к вашим заводам её на вокзал
В вагонах подвёз машинист.

— Ну да, — сказал машинист, —
Я езжу во все концы,
Но хлеба дают и вам и мне
Родные наши жнецы.

— Да, это правда, я всех кормлю, —
Сказал машинисту жнец, —
Но землю, которую я люблю,
Сберёг мне мой брат боец.

ДОБРЫЙ КИТ

А. ПЛАТОНОВ

Рис. В. БАЮСКИНА

Рано утром мать уходила со двора, в поле на работу. А отца в семействе не было: отец давно ушёл на главную работу—на войну и не вернулся оттуда. Каждый день мать ожидала, что отец вернётся, а его всё не было и нет.

В избе и на всём дворе оставался один Никита, пяти лет отроду. Уходя, мать ему наказывала, чтобы Никита не сжёг двора, чтобы он собрал яйца от кур, которые они снесли по закутам и под плетнями, чтобы чужой петух не приходил во двор и не бил своего петуха и чтобы Никита ел в обед молоко с хлебом, а к вечеру мать вернётся и накормит его горячим ужином.

— Не балуй, Никитушка, отца у тебя нету,—говорила мать.—Ты умный теперь, а тут всё добро наше—в избе и во дворе.

— Я умный, тут добро наше, а отца нету,—говорил Никита.—А ты приходи поскорее, мама, а то я боюсь.

— Чего ты боишься-то? На небе солнце светит, кругом в полях людно, ты не бойся.

— Да, а солнце ведь далече,—отвечал Никита,—и его облако закроет...

Оставшись один, Никита обошёл всю тихую избу-горницу, затем другую комнату, где стояла русская печь, и вышел в сени. В сенях жужжали большие толстые мухи, паук дремал в углу, среди паутины; воробей пришёл пеший через порог и искал себе зёрнышко в избе.

Всех знал Никита: и воробьёв, и пауков, и мух, и кур во дворе; они ему уже на-

доели, и от них ему было скучно. Он хотел теперь узнать то, чего он не знал. Поэтому Никита пошёл далее во двор и пришёл в сарай, где стояла в темноте пустая бочка. В ней, наверно, кто-нибудь жил, какой-нибудь маленький человечек: днём он спал, а ночью выходил наружу, ел хлеб, пил воду и думал что-нибудь, а наутро опять прятался в бочку и спал.

— Я тебя знаю, ты там живёшь,—приподнявшись на ногах, сказал Никита сверху в тёмную гулкую бочку, а потом вдобавок постучал по ней кулаком.—Вставай, не спи, лодырь! Чего зимой есть будешь? Иди просо полоть.

Никита прислушался. В бочке было тихо.

«Помер он, что ль?» подумал Никита. Но в бочке скрипнула её деревянная снасть, и Никита отошёл от неё. Он понял, что значит тамошний житель повернулся на бок, либо хотел встать и погнаться за Никитой.

Но какой он был—тот, кто жил в бочке? Никита сразу представил его в уме. Это был маленький, а живой человек. Борода у него была длинная, она доставала до земли, когда он ходил ночью, и он нечаянно сметал ею сор и солому, отчего в сарае оставались чистые стёжки. У матери недавно пропали ножницы. Это он, должно быть, взял ножницы, чтобы обрезать себе бороду.

— Отдай ножницы!—тихо попросил Никита.—Отец придёт с войны, всё одно отымет, он тебя не боится. Отдай!

Бочка молчала. В лесу, далеко за деревней, кто-то ухнул, и в бочке тоже ответил ему чёрным страшным голосом маленький житель:—Я тут!

Никита выбежал из сарая во двор.

На небе светило доброе солнце, облака не застили его сейчас, и Никита в испуге поглядел на солнце, чтобы оно защитило его.

— Там житель в бочке живёт!—сказал Никита, смотря на небо.

Доброе солнце попрежнему светило на небе и глядело на него в ответ тёплым лицом. Никита увидел, что солнце было похоже на умершего дедушку, который всегда был ласков к нему и улыбался, когда был живой, и смотрел на него. Никита подумал, что дедушка стал теперь жить на солнце.

— Дедушка, ты где, ты там живёшь?—спросил Никита.—Живи там, а я тут буду, я с мамой.

За огородом, в зарослях лопухов и крапивы, находился колодец. Из него уже давно не брали воду, потому что в колхозе вырыли другой колодец, с хорошей водой. В глубине того глухого колодца, в его подземной тьме была видна светлая вода с чистым небом и облаками, идущими

под солнцем. Никита наклонился через сруб колодца и спросил:

— Вы что там?

Он думал, что там живут на дне маленькие водяные люди. Он знал, какие они были; он их видел во сне и, проснувшись, хотел их поймать, но они убежали от него по траве в колодец в свой дом.

Ростом они были с воробья, но толстые, безволосые, мокрые и вредные.

— Я вам дам!—сказал в колодец Никита.—Вы зачем тут живёте?

Вода в колодце вдруг замутилась, и оттуда кто-то чавкнул пастью. Никита открыл рот, чтобы вскрикнуть, но голос его вслух не прозвучал,—Никита занемел от страха; у него только дрогнуло и приостановилось сердце.

«Здесь ещё великан живёт и его дети!» понял Никита.

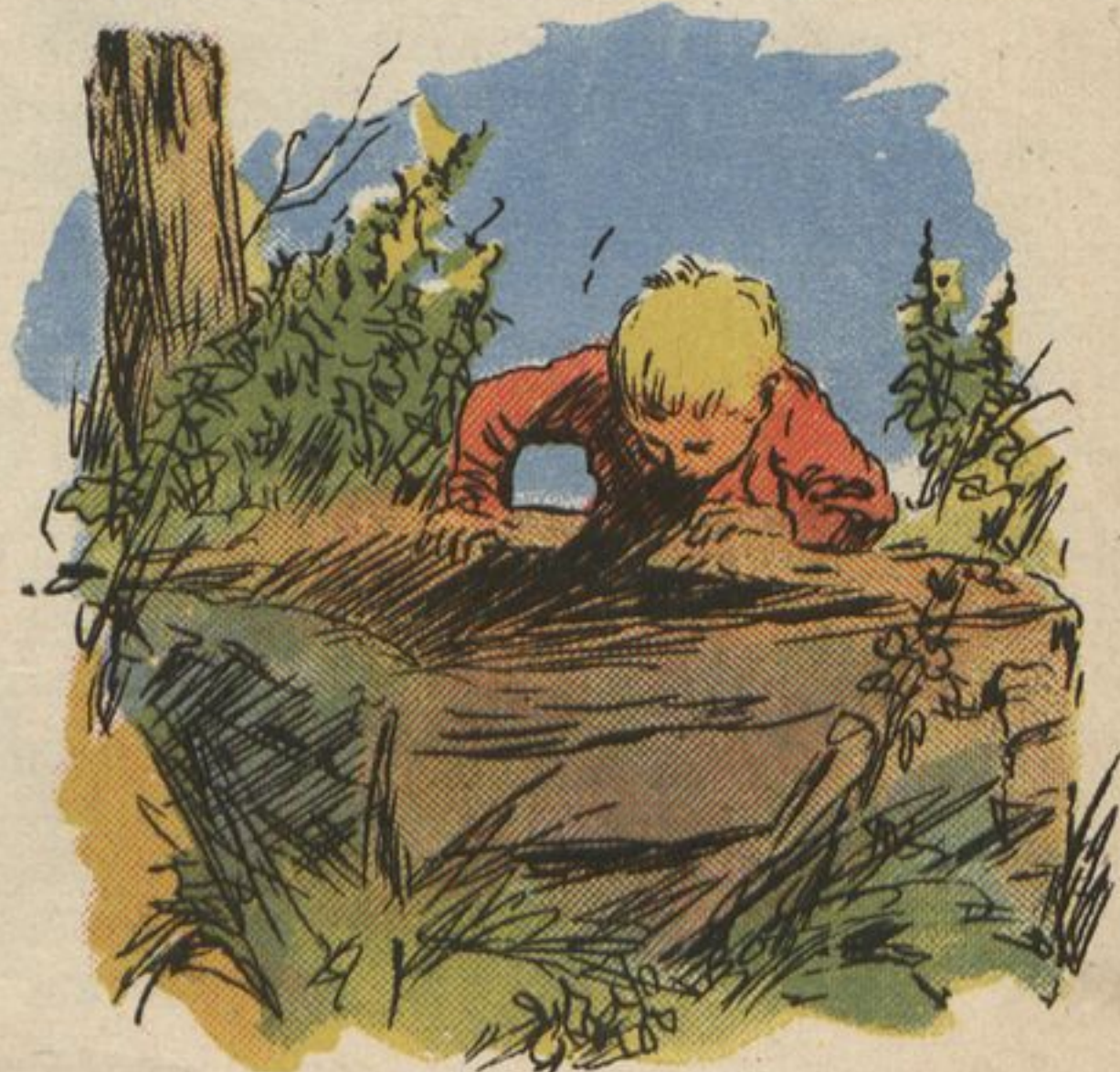
— Дедушка!—поглядев на солнце, крикнул он вслух.—Дедушка, ты там?—И Никита побежал назад к дому.

У сарая он опомнился. Под плетнёвую стену сарая уходили две земляные норы. Там тоже жили тайные жители. А кто они такие? Может быть, змеи? Они выползут ночью, приползут в избу и ужалят мать во сне, а мать умрёт.

Никита побежал скорее домой, взял там два куска хлеба со стола и принёс их. Он положил у каждой норы хлеб и сказал змеям:

— Змеи, ешьте хлеб, а к нам ночью не ходите.

Никита оглянулся. На огороде стоял старый пень. Никита увидел, что это го-

лова человека. У пня были глаза, нос и рот, и пень молча улыбался Никите.

— Ты тоже тут живёшь? — спросил мальчик. — Вылезай к нам в деревню, будешь землю пахать.

Пень крикнул в ответ, и лицо его стало сердитое.

— Не вылезай, не надо, живи лучше там! — сказал Никита, испугавшись.

Во всей деревне было тихо сейчас, никого не слышать.

— Мама, иди домой! — попросил Никита далёкую мать. — К нам во двор чужие пришли и живут. Прогони их!

Мать не услышала сына.

Никита робко посмотрел на пень. Су-мрачное нелюдимое лицо, обросшее морщинистой корой, неморгающими глазами глянуло на Никиту. И далеко кто-то, из леса за деревней, громко крикнул:

— Максим, ты где?

— В земле! — глухо отозвался пень-голова.

Никита обернулся, чтобы бежать к матери в поле, но упал. Он занемог от страха; ноги его стали теперь, как чужие, и не слушались его. Тогда он пополз на животе, словно был ещё маленький и не мог ходить.

— Дедушка! — прошептал Никита и посмотрел на доброе солнце на небе.

Облако закрыло свет, и солнца теперь не было видно.

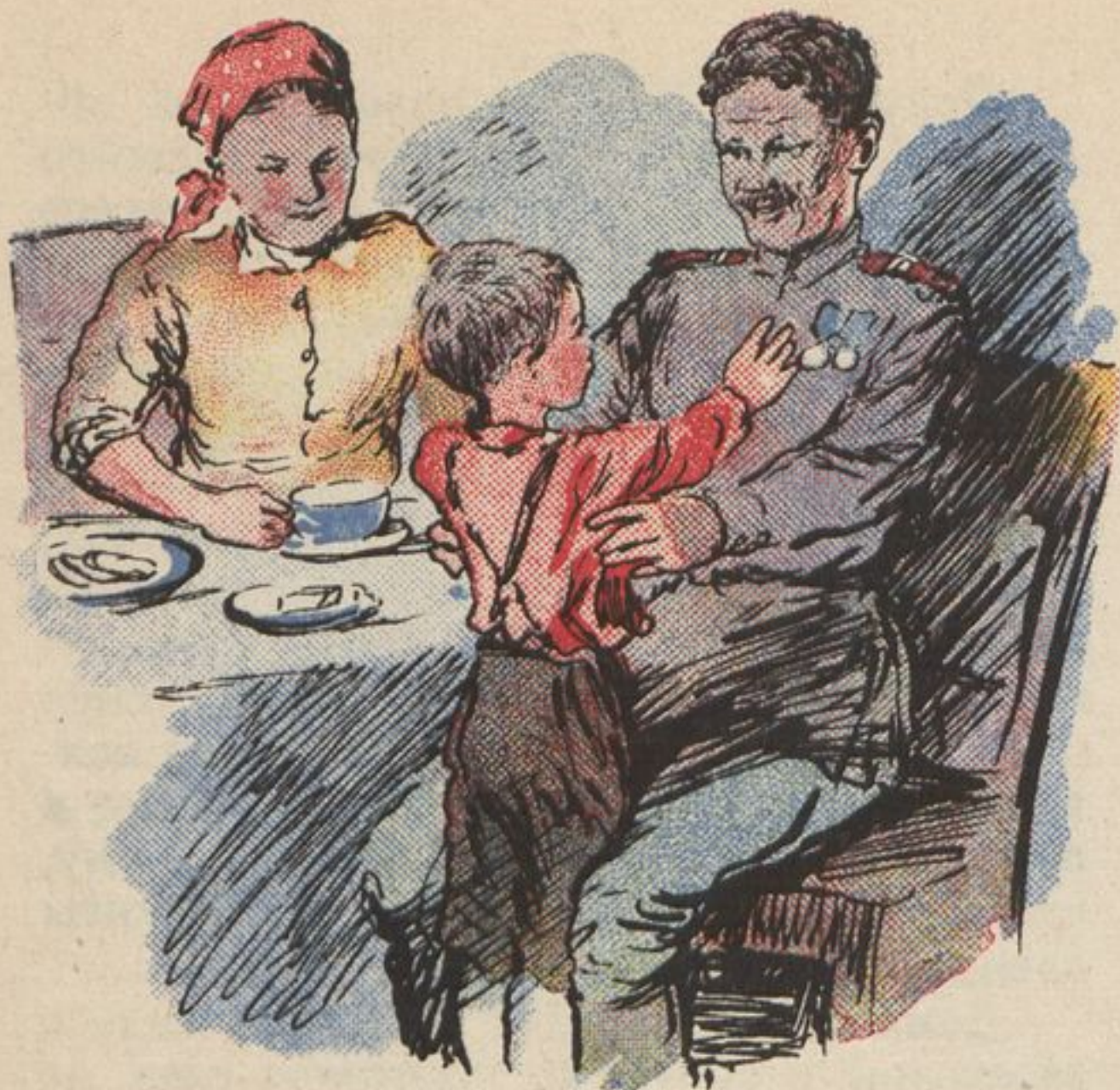
— Дедушка, иди опять к нам жить!

Дедушка-солнце показалось из-за облака, будто дед сразу отвёл от своего лица тёмную тень, чтобы видеть своего ослабевшего внука, ползшего по земле. Дед теперь смотрел на него; Никита подумал, что дед видит его, поднялся на ноги и побежал к матери.

Он бежал долго. Он пробежал по пыльной пустой дороге всю деревенскую улицу, потом устал и сел в тени овина на околице. Никита сел не надолго. Но он нечаянно опустил голову к земле, уснул и очнулся лишь навечер. Пастух гнал колхозное стадо. Никита пошёл было далее в поле к матери, однако пастух сказал ему, что уже время позднее и мать Никиты давно ушла с поля ко двору.

Дома Никита увидел мать. Она сидела за столом и смотрела, не отводя глаз, на солдата, который ел хлеб и пил молоко. Солдат поглядел на Никиту, потом поднялся с лавки и взял его к себе на руки. От солдата пахло теплом, чем-то добрым

и смиренным, хлебом и землёй. Никита оробел и молчал.

— Здравствуй, Никита,—сказал солдат.—Ты уж давно позабыл меня, ты грудной ещё был, когда я поцеловал тебя и ушёл на войну. А я-то помню тебя, умирал и помнил.

— Это твой отец домой пришёл, Никитушка,—сказала мать и утёрла передником слёзы с лица.

Никита осмотрел отца—лицо его, руки, медаль на груди—и потрогал ясные пуговицы на его рубашке.

— А ты опять не уйдёшь от нас?

— Нет,—произнёс отец.—Теперь уж век буду с тобой вековать. Врага-неприятеля мы погубили, пора о тебе с матерью думать...

Наутро Никита вышел во двор и сказал вслух всем, кто жил во дворе: и сараю, и пню в огороде, и дедушкиной бане.

— К нам отец пришёл. Он век будет с нами вековать.

Во дворе все молчали; видно, всем стало боязно отца-солдата, и под землёй было тихо, никто не корябался оттуда наружу на свет.

— Иди ко мне, Никита. Ты с кем там разговариваешь?

Отец был в сарае. Он осматривал и пробовал руками топоры, лопаты, пилу, рубанок, тиски, верстак и разные железки, что были в хозяйстве.

Отделавшись, отец взял Никиту за

руку и пошёл с ним по двору, оглядывая, где, что и как стояло, что было цело, а что погнило, что нужно и что нет.

Никита так же, как вчера, смотрел в лицо каждому существу во дворе, но ныне он ни в одном не увидел тайного человека; ни у кого не было ни глаз, ни носа, ни рта, ни злой жизни.

Отец сходил в сарай за топором и стал колоть на дрова ветхий пень в огороде. Пень сразу начал разваливаться, и его сухой прах дымом поднялся из-под отцовского топора. Когда пня-головы не стало, Никита сказал отцу:

— А тебя не было, он слова говорил, он был живой. Под землёй у него пузо и ноги есть.

Отец повёл сына домой в избу.

— Нет, он давно умер,—сказал отец.— Это ты хочешь всех сделать живыми, потому что у тебя доброе сердце. Для тебя и камень живой, и на луне покойная бабушка снова живёт.

— А на солнце дедушка!—сказал Никита.

Днём отец стругал доски в сарае, чтобы перестлать заново пол в избе, а Никите он тоже дал работу—выпрямлять молотком кривые гвоздики.

Никита с охотой, как большой, начал работать молотком. Когда он выпрямил первый гвоздь, он увидел в нём маленького доброго человечка, улыбавшегося ему из-под своей железной шапки. Он показал его отцу и сказал ему:

— А отчего другие злые были—и лопух был злой, и пень-голова, и водяные люди, а этот добрый человечек?

Отец погладил светлые волосы сына и ответил ему:

— Тех ты выдумал, Никита, их нету, они непрочные, оттого они и злые. А этого гвоздя-человечка ты сам трудом сработал, он и добрый.

Никита задумался.

— Давай всё трудом работать, и все живые будут.

— Давай, сынок,—согласился отец,— давай, добрый Кит.

Отец, вспоминая Никиту на войне, всегда называл его про себя «добрый Кит». Отец знал, что Никита родился у него добрым и останется добрым на весь свой долгий век.

П О Д С О Л Н Е Ч И К

Е. ТРУТНЕВА

Рис. М. БУТРОВОЙ

Под солнышком подсолнечник,
Когда денёк погожий,
Весь день глядит на солнышко,
Сам на него похожий.

Цветок пчелу к себе зовёт,
В траве ныряют грабли,
А солнышко плывёт, плывёт,
Как золотой кораблик.

Оно то слева, то вверху,
То повернёт направо,
И одуванчик, весь в пуху,
Линяет прямо в травы.

У каждого своя пора,
Своё житьё простое.
Подсолнечник глядит с утра
На солнце золотое.

Плывет кораблик-солнышко,
Вокруг—лучи кольцом,
И целый день подсолнечник
Стоит к нему лицом.

Издательство
М. Д. ДИКИН

ЛЕСНАЯ П

Редактор В. БИАНКИ

И Ю Н Ъ

Содержание: К оружию! — поле и в лесу. — Песня юных натуралистов. — Загадки.

Схватка на огороде,

К ОРУЖИЮ!

Летом, как только сядут птицы на гнёзда, всякая охота на них прекращается. Нет летом охоты и на зверей: у них ведь детёныши в это время.

Однако есть звери, опасные для человека и вредные для его хозяйства. Таких бьют и летом. Но это уж скорее не охота, а война.

Вредны и опасны медведи, волки, рыси, пантеры, тигры. Но охотиться на них нам придётся подождать: сперва надо вырасти. А пока объявим войну другим зверям, не менее опасным и вредным. Их много — несметные полчища. И война с ними трудна.

Каждую весну по всей нашей стране выходят против них целые армии бойцов. Бойцы не велики, но отчаянно храбры. Часто они даже не знают, какой опасности подвергаются. А ведь каждый солдат должен изучить своего врага, знать, откуда ему грозит опасность и как её избежать. Один умный полководец сказал, что самое лучшее в храбрости — это осторожность.

Итак, к оружию! Готовь луки, самострелы, копья, лёгкие палицы, сачки, вёдра. Дело будет жаркое. Кто не может видеть крови, оставайся дома.

Бойцы, в отряды! Стройся — выступаем!

И гляди в оба!

Первый поход — на огород. Там разведчики обнаружили вражеский дзот. Это небольшой холмик свежерытой земли — вроде кротовины, но рядом с ним — открытый вход в подземелье.

Приказ! Разведчикам — найти второй вход. Он неподалёку, и там тоже кучка земли. Инженерным войскам — выяснить, который из подземных ходов идёт вниз отвесно, который — полого. Наполнить вёдра водой. Стать с полными

вёдрами у отвесного входа. Стрелкам с палицами и луками стать у пологого входа. Если в отряде есть собака — пусть простая дворняжка, — взять на сворку, стать перед выходом.

С вёдрами — по порядку номеров рассчитайсь! Первый номер — готовься! С собакой — вперёд! Держи! Будь готов каждый миг спустить её со сворки.

Враг выскочил из дзота. Морда толстая, с усами. Сам чёрно-бело-рыжий.

Собака спущена. Она схватилась со зверем

Стрелки, внимание!

Хорошо, если пёс опытный и сильный: тогда он справится один. Враг зол и храбр. Бывает, вцепится псу в нос. Тут не зевай — выручай товарища!

Как только враг окажется на земле, пускай в ход палицы. Победит — бей стрелами. А то уйдёт в траву, под куст — и скрылся.

Но будь осторожен: он может кинуться и на тебя.

Это хомяк. Не гляди, что он ростом с котёнка: это очень злобный и не по росту сильный зверь. Его длинные, острые резцы — опасное оружие. Вцепится в ногу или в руку — не оторвёшь.

Суслик не так опасен, как хомяк, но ещё вредней его. Хомяк к зиме собирает в своей кладовой запас зерна килограммов десять; каждый суслик съедает за лето шестнадцать килограммов хлебных зёрен. И если на одном гектаре сто сусликов, они уничтожат половину всего урожая.

ГАЗЕТА

Издатель „МУРЗИЛКА“

Схватка на огороде, в
ралистов. — Маленькая и

в поле и в лесу

Сусликов выгоняют из их нор так же, как хомяка. Оружие—то же.

Есть враг и в лесу — красивый и ловкий. Это шустрая земляная белочка — бурундук.

Бурундуки желтоватого цвета, и на спине—пять резких чёрных полос. Тоже вредный грызун.

На Урале ребята воюют с

ним при помощи охотничьих кошек. Бурундук лазает хорошо, но никогда не забирается высоко на дерево. Кошка ловит его моментально и приносит хозяину.

И многие ребята ловко бьют бурундуков из самострела или лука трёхзубой стрелой.

А. Оленич-Гнененко

ПЕСНЯ ЮНЫХ НАТУРАЛИСТОВ

По тропинкам, по дорожкам
В лес шагает наш отряд,
И грибы на тонких ножках
Вслед нам с завистью глядят.

Мотыльки кружатся роем,
Звонки птичьи голоса.
Мы узнаем, мы раскроем
Все лесные чудеса.

Посмотрите-ка, ребята,
Кто здесь прячется в норе?
Отчего трава примята,
Под горой и на горе?

Кто в малиннике у речки
В шубе бродит и ревет:

«Сторожу я, человечки,
Мой медвежий огород?»

Мы напиться захотели,
Видим; камушки на дне,
Голубой стрелой форели
Промелькнули в глубине.

Где высокая осока,
Мы заметили ужа,
И несём с собой сороку
И колючего ежа.

По тропинкам, по дорожкам
В лес шагает наш отряд,
И грибы на тонких ножках
Вслед нам с завистью глядят.

МАЛЕНЬКАЯ И БОЛЬШАЯ

Маленькая хищная зверюшка-ласка ростом чуть побольше мыши. Но детёнышей её не тронь. Она бросится на тебя, вопьётся зубами тебе в руку или в горло.

Она отчаянная.

С большую собаку ростом волчица. Но смело хватая за шиворот её волчат, — она не тронет. Она осторожная.

А ночью придёт и, если ты плохо запер волчат, утащит их.

Загадки

ЗАГАДКА-ЗАДАЧА

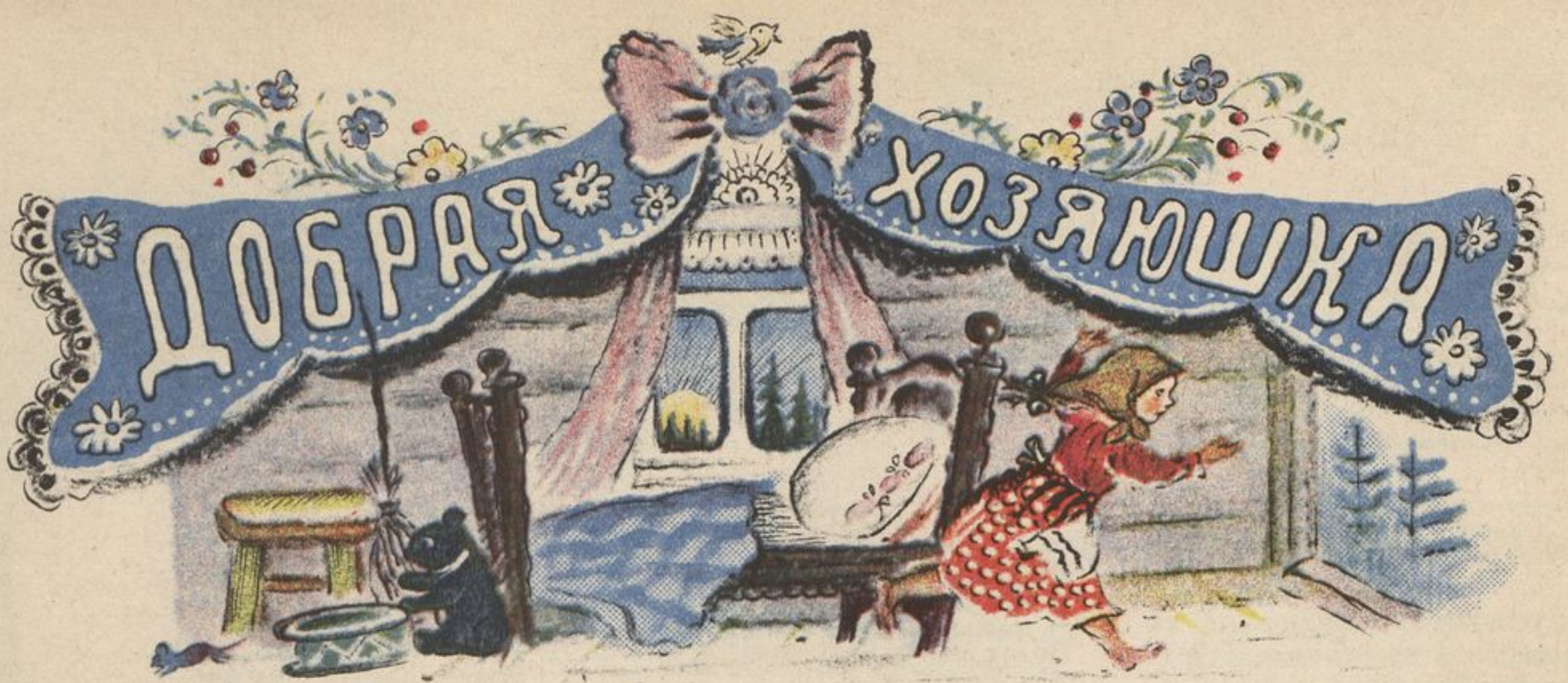
Мальчик ранней весной по всем правилам повесил у себя в саду пять скворечников — друг от друга через одно дерево — и пять домиков для мухоловок на одном дереве. Сколько скворцов и сколько

мухоловок поселилось у него в саду?

ТЕМ, КТО ЖИВЁТ В ДЕРЕВЯННЫХ ДОМАХ

Тик-так, тик-так! Ухо к стене. Слышишь меня? Тик-так, тик-так! Кто я?

Рис. М. Бутровой

В. ОСЕЕВА

Рис. Ю. ВАСНЕЦОВА

Жила-была девочка. И был у неё петушок. Встанет утром петушок и запоёт:
— Ку-ка-ре-ку! Доброе утро, хозяйюшка!

Подбежит к девочке, поклюёт у неё из рук крошки, сядет с ней рядом на завалинке. Пёрышки разноцветные, словно маслом смазаны, гребешок на солнышке золотом отликает. Хороший был петушок!

Увидала как-то раз девочка у соседки курочку. Понравилась ей курочка. Просит она соседку:

— Отдай мне курочку, я тебе взамен петушка отдам!

Услыхал петушок, свесил на сторону гребень, опустил голову. Да делать нечего—сама хозяйка отдаёт.

Согласилась соседка, отдала курочку, взяла петушка. Стала девочка с курочкой дружить. Пушистая курочка, тёпленькая, что ни день—свежее яичко несёт.

— Куд-кудах, моя хозяйюшка!

— Кушай на здоровье яичко!

Съест девочка яичко, возьмёт курочку на колени, пёрышки ей гладит, водичкой поит, пшеном угощает.

Только раз приходит в гости соседка с уткой. Понравилась девочке утка. Просит она соседку:

— Отдай мне твою утку, я тебе свою курочку отдам!

Услыхала курочка, опустила пёрышки, опечалилась. Да делать нечего—сама хозяйка отдаёт.

Стала девочка с уткой дружить. Ходят вместе на речку купаться. Девочка плавёт, и утка рядышком.

— Тась, тась, тась, моя хозяйюшка!

— Не пльви далеко, в речке дно глубоко!

Приходит раз сосед. За ошейник щенка ведёт. Увидала девочка:

— Ах, какой щенок хорошенький! Дай мне щенка, возьми мою утку!

Услыхала утка, захлопала крыльями. Да делать нечего—сама хозяйка отдаёт. Взял сосед утку, сунул подмышку и унёс.

Погладила девочка щенка и говорит:

— Был у меня петушок, я за него курочку взяла; была курочка, я её за утку отдала; теперь утку на щенка променяла.

Услыхал это щенок, поджал хвост, спрятался под лавку, а ночью открыл лапой дверь и убежал.

— Не хочу,—говорит,— с такой хозяйкой дружить: не умеет она дружбой дорожить.

Проснулась девочка: никого у неё нет.

В ночное

МОРСКОЙ ОХОТНИК

Н. ЧУКОВСКИЙ

Рис. М. БУТРОВОЙ

НАСТОЯЩИЙ КОРАБЛЬ¹

И сразу же у себя за спиной Корольков услышал громкий голос Макара Макарыча:

— Товарищ лейтенант, разрешите доложить...

Он обернулся. Перед ним стоял Макар Макарыч, держа за руку девочку.

Платье на ней вымокло. Блестящие чёрные глаза прямо смотрели в лицо Королькову.

— Ох! — вырвалось у Королькова.

Больше он ничего не мог выговорить.

От удивления он даже не сразу начал понимать, что говорит ему Макар Макарыч.

— ...я, конечно, очень виноват, но она сказала, что теперь уже точно знает, где наш капитан-лейтенант, и я решил взять её с собой... И не мог же я её выбросить в море, раз она уже сидела в ялике...

— Хорошо, хорошо, Макаров.

Корольков взял Катю за руку и отвёл в свою каюту. И там, в этой самой большой каюте, которая была не больше платяного шкафа, Катя рассказала ему всё, что знала.

И Корольков позвал Макара Макарыча и велел ему отвести Катю в кают-компанию, и напоить её крепким горячим чаем, и уложить её там на диване, и укрыть потеплее.

А сам подошёл к медной переговорной трубе, которая вела в самый низ, в машинное отделение, и крикнул:

— Полный вперёд!

Катя сразу заснула. Засыпая, она думала:

«В такую ночь спать нельзя», — и с этой же мыслью проснулась. Открыла глаза и сразу села.

Кают-компания была совсем маленькая, в ней никак не могло бы поместиться больше четырёх человек. Почти всю её занимал квадратный стол, покрытый белой скатертью. Катя сразу заметила, что ножки его привинчены к полу, иначе он давно съехал бы со своего места. Всё кругом поднималось, опускалось, кренилось: и стены, и дверь, и потолок, и диван, и сама Катя. Кругом шумела вода. Моторы стучали, и всё мелко-мелко дрожало от их стука. Катя соскользнула с дивана и двинулась к двери.

Оказалось, что идти очень трудно. Пол выскальзывал у неё из-под ног. Её сильно ударило боком о стену. Она уже почти дошла до двери, как вдруг её отбросило назад, к дивану. Она опять пошла к двери, держась обеими руками за стол. Потом ухватилась за дверной косяк и вышла из кают-компания.

Над ней было квадратное отверстие. Через отверстие увидела она чёрное небо и звёзды. Значит, ночь ещё продолжается, она не так долго проспала. Она знала, что это отверстие по-морскому называется люк. Звёзды в люке раскачивались. К люку вела железная лестница, похожая на те лестницы, по которым лазят на крыши, — две палки с перекладиной. Она знала, что эта лестница по-морскому называется трап. Хватаясь руками за перекладины, она полезла по трапу в люк.

Едва она вылезла из люка, палуба круто накренилась, и ноги против воли понесли её вниз, к борту. Она ухватилась за перила и по-

¹ Начало см. в нашем журнале №№ 1, 2—3, 4, 5—6.

висла над самой водой, которая, пенясь и как бы вспухая, двигалась снизу прямо на неё. Потом вода стала оседать и ушла далеко вниз, а Катя взлетела вверх, держась за перила, чтобы не покатиться через палубу к другому борту.

Она задышалась от ветра. Пока она спала, тучи исчезли, а узенький серп луны успел подняться высоко-высоко. Серебряная лунная дорожка, мелькающая, поминутно рвущаяся, бежала через море. Кроме этой дорожки, да звёзд, да луны, да белых гребней волн, внезапно возникающих из тьмы, ничего не было видно.

Мимо Кати по палубе пробежал краснофлотец. Поравнявшись с Катей, он повернул к ней круглое мальчишеское лицо и насмешливо крикнул ей в самое ухо:

— Эй, барышня, смотри, как бы тебя ветром не сдуло!

Кате хотелось ответить ему: «Смотри, как бы тебя самого не сдуло», но он уже убежал от неё, ступая по палубе так уверенно, словно не было ни качки, ни ветра. Добежав до кормы, он нырнул в люк, — не в тот люк, из которого вышла Катя, а в другой, — и исчез.

Немного привыкнув к ветру и к постоянным взлётам и падениям, Катя стала оглядывать палубу. Это, конечно, маленький корабль, но настоящий. Крейсер «Победитель», который она устроила у себя в пещере, был, конечно, куда огромнее, но настоящим он не был. А тут, в трёх шагах от Кати, стояло настоящее орудие, и ствол его тускло блестел при лунном свете.

Возле орудия она увидела краснофлотца такого большого роста, что он показался ей великаном. Он с любопытством рассматривал её, как какого-то маленького странного зверька, и улыбался. Катя подошла к орудью и почтительно обошла его кругом.

— Настоящее! — сказала она с уважением.

Краснофлотец-великан расслышал и захохотал. Он нагнулся к Кате и крикнул:

— Спроси у немцев, которых мы потопили, настоящее оно или нет!

— Хотела бы я пострелять из такого орудия, — сказала Катя с завистью.

Осторожно шагая и хватаясь за всё, что попадало под руку, Катя пошла на корму. Ей хотелось заглянуть в тот люк, куда нырнул круглолицый краснофлотец.

Она заглянула в люк и, к своему удивлению, увидела, что там, внизу, была кухня. Тусклая лампочка озаряла плиту, кастрюли, развешанные по стенам. Но до чего маленькая была эта кухня! В ней мог поместиться только один человек, и то с трудом. Там находился тот самый краснофлотец с мальчишеским круглым лицом, который сказал, что её сдует ветром. Теперь на нём был белый фартук. Краснофлотец сидел возле плиты и тёр тряпкой медный бок кастрюли.

Заметив Катю, он сделал ей рукой знак, чтобы она спустилась к нему. Она неуверенно стала спускаться по трапу, не зная, как она там внизу поместится. Но оказалось, что поместиться можно.

— Вы кок? — спросила она, помня, что по-морскому повар называется коком.

— Да, я кок, — сказал круглолицый краснофлотец.

— А это ваша кухня?

— Не кухня, а камбуз, — поправил он её.

Катя немного смутилась. Всё-таки досадно, когда тебя уличают в ошибке.

— Знаю, знаю, что по-морскому это называется камбуз, но ведь, по правде говоря, это просто кухня, — сказала она. — Какая маленькая кухня, как кукольная! Хотела бы я готовить в такой кухне!

Она осмотрела плиту.

— Вам, верно, очень мешает качка, — продолжала она. — Горячий суп плещет из котла в лицо. А как трудно отнести его во время качки к столу, — он так и вырывается из миски!

— Несешь, как циркач, — подтвердил кок без самодовольства.

— Одно нехорошо, — сказала она: — во время боя вы ничего не видите. Ваши товарищи сражаются, а вы сидите здесь и чистите кастрюли.

— Кто вам это сказал? — обиделся кок. — В бою я самый главный.

— Самый главный? Но ведь вы кок?

— Я вовсе не кок, — сказал кок. — То есть я, конечно, кок, но только по совместительству. Я веду самым главным оружием нашего корабля. По боевому расписанию я приставлен к глубинным бомбам.

— К глубинным бомбам?

— Я сбрасываю в воду глубинные бомбы. Они разрываются в глубине и топят подводные лодки.

— Хотела бы я сбрасывать глубинные бомбы, — сказала Катя.

И вдруг наверху, в люке, появилось лицо Макара Макарыча. Оглядев камбуз, он обернулся и крикнул:

— Она, оказывается, в камбузе, товарищ лейтенант!

И прибавил, обращаясь к Кате.

— Вылезай, вылезай! Мы уж думали, что ты за борт свалилась.

Катя вылезла на палубу. За ней, оставив кастрюлю и сняв фартук, вылез и кок.

Очутившись на палубе, Катя сразу заметила, что многое изменилось. Во-первых, не было видно луны. Во-вторых, ветер стал гораздо слабее.

Однако луна ещё не зашла, — на некотором расстоянии от катера море было попрежнему озарено лунным светом. И Катя вдруг поняла, что они идут вдоль высоких береговых скал, которые защищают их от ветра и бросают на них свою тень.

Очертания этих скал были отчётливо видны на звёздном небе. Они показались Кате удивительно знакомыми. Да ведь это же её родной берег! Она выросла здесь, она жила на этом берегу до тех пор, пока сюда не пришли немцы!

Корольков, еле видный во мраке, стоял возле орудия и смотрел на берег. Краснофлотец-великан стоял рядом с ним. Макар Макарыч подвёл к нему Катю. Кок тоже подошёл и остановился немного поодаль.

«МЕНЯ!»

Теперь Королькову было ясно всё.

Капитан-лейтенант после десанта не вернулся на катер, а попал в пещеру. Как он попал в пещеру, пока неизвестно. Он попал в пещеру вместе с краснофлотцем Казаченко. Оттуда, с вышины, он видел море. Он видел, как его катер зря дежурит у Песчаной косы, и сердце у него болело от обиды. Он видел немецкую подводную лодку: она пряталась в бухте.

Корольков знал эту бухту. Это небольшая глубокая бухта, окружённая высокими скалами. Вход в неё так узок и так загромождён камнями, что никому и в голову не приходило, что там может прятаться подводная лодка. Но она пряталась в бухте; она то входила туда, то вы-

ходила оттуда, она издевалась над катером, и капитан-лейтенант видел это, и сердце в нём кипело от гнева. Он стал зажигать огонь в пещере, а сам послал Казаченко передать Королькову, что «когда огонь горит, она в бухте». Казаченко взял компас, найденный в пещере, и отправился в путь. Когда он переходил через фронт, его тяжело ранили. Вот как было дело.

Корольков молчал, и все молчали, ожидая, что он скажет. Но он молчал очень долго, и когда уже казалось, что его молчанию не будет конца, вдруг заговорил — негромко, торжественно и словно обращаясь к самому себе.

— Там, — сказал он, — за этой тьмой, за этими скалами, на берегу, захваченном врагами, высоко в горах, в пещере, находится наш командир, наш капитан-лейтенант. Мы ничего не знаем о нём. Может быть, он болен, или связан, или ранен, но он там. Мы должны послать за ним человека, который добрался бы до него и доставил бы его сюда, на катер.

— Меня! — крикнул кок.

— Меня! — сказал краснофлотец-великан.

— Меня! — сказал Макар Макарыч.

— Это трудное поручение, — продолжал Корольков. — На маленьком ялике, сквозь буруны, kloкочущие в скалах, нужно добраться до берега, нужно миновать немецкие береговые посты, нужно отыскать в темноте тропинку, ведущую в пещеру, найти капитан-лейтенанта и вместе с ним тем же путем вернуться сюда до рассвета. Малейшая оплошность, малейшее промедление — и капитан-лейтенант погибнет. Мы должны послать человека, на которого можно вполне положиться.

— Пойдёте вы, Макаров, — проговорил Корольков. — Вы всех старше, опытнее и осторожнее. Вы дольше всех служили с капитан-лейтенантом и потому имеете право первым пойти к нему на выручку.

— Благодарю вас, товарищ лейтенант, — сказал Макар Макарыч дрогнувшим голосом.

И он сам и все остальные понимали, что ему оказана высокая честь.

— Вы проведёте ялик через буруны? — спросил Корольков.

— Конечно, — ответил Макар Макарыч.

— Вы пройдёте через немецкие посты?

— Не беспокойтесь. Я старый краб, и мне ползать не впервой.

— А тропинку в пещеру вы найдёте?

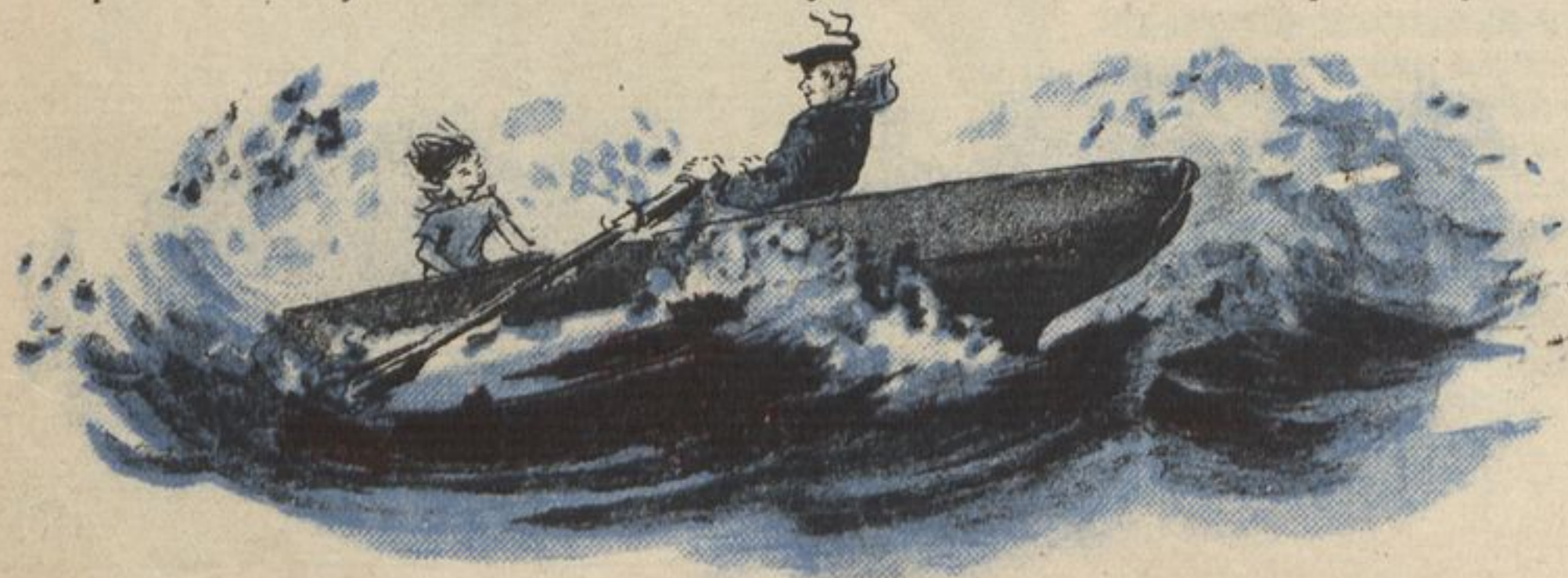
Макар Макарыч ничего не ответил.

— Что же вы молчите, Макаров?

— Постараюсь, товарищ лейтенант.

— Постараетесь?

— А кто её знает, как найдешь тропинку в такой темноте... Огонь в пещере с берега не виден... Её и днём-то, пожалуй, не сыщешь...

— Он найдёт,— сказала Катя.

Корольков круто повернулся к ней.

— Найдёт? — спросил он удивленно.

— Найдёт, потому что я покажу ему,— сказала Катя.

— Неужели ты думаешь, что я тебя пушу на берег?

— Я уверена, что вы пустите — сказала Катя. Голос у неё задрожал, она чувствовала, что вот-вот заплачет. — Вы человек справедливый, а было бы так несправедливо не пустить меня. И без меня вам никогда не найти дороги в пещеру... Я сейчас влезу в ялик и не вылезу из него...

И она действительно влезла в ялик, который висел над волнами, привязанный к борту.

— Удивительная девчонка! Никогда не видел таких девчонок,— сказал Корольков.

Он не хотел отпускать её на берег. Но он понимал, что в одном она права: без неё Макару Макарычу трудно будет найти дорогу в пещеру. И из ялика её не выгнал.

Он подошёл к Макару Макарычу, внимательно посмотрел ему в лицо, потом поцеловал его в губы.

— Ну идите, Макаров. Мы будем ждать вас через два часа у Больших камней.

Ялик вместе с Катей спустили на воду. Макар Макарыч прыгнул в него и вставил вёсла в уключины.

— Берегите эту девочку, Макар Макарыч,— сказал ему Корольков с борта.

И ялик исчез в темноте.

— Теперь всё дело в быстроте, — сказал Корольков.

И катер летел так быстро, что казалось, вот-вот оторвётся от воды. Еле видные в звёздном небе зубчатые вершины береговых скал стремительно меняли свои очертания. Катер держался от них совсем близко, скрываясь в их тени.

Вся команда уже знала, что они идут к бухте, в которой прячется немецкая подводная лодка.

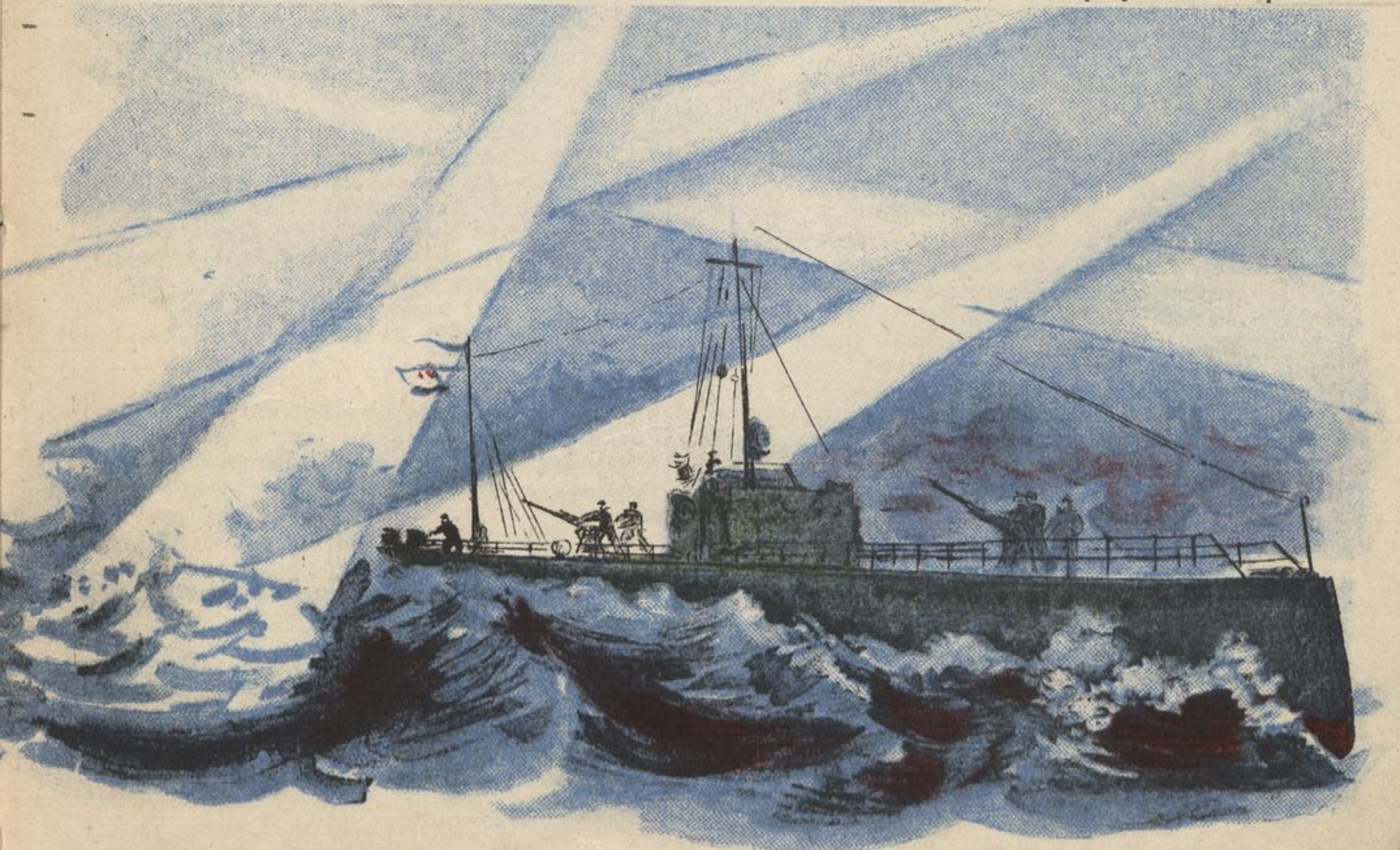
— Неужели мы влетим прямо в бухту? — спросил кок краснофлотца-великана.

Этот кок был почти мальчишка и служил на флоте первый год, а краснофлотец, который показался Кате великаном, был опытный моряк, по званию — старшина второй статьи, по специальности — комендор. А комендор — это артиллерист, человек, который ведёт огонь из корабельных орудий.

— Ну вот ещё! — сказал комендор. — Нет, вход в неё узок, как горло бутылки, и извилист, как дымовая труба, и охраняется немцами, как мешок с золотом. Мы туда не полезем. Мы будем дежурить у входа и ждать, когда подводная лодка выйдет к нам...

«Опять дежурить», подумал кок. Он был молод и нетерпелив, и дежурство у Песчаной косы смертельно надоело ему.

Корольков внезапно подошёл к штурвалу. Он отстранил рулевого и сам стал за штурвал. И катер сразу сделал крутой поворот и на полной скорости понёсся прямо к берегу. Тёмные грома-

ды утесов росли перед ним, и казалось, он вот-вот налетит на них и разобьётся. Но в последнее мгновение утёсы словно расступились, открыв перед катером чёрную узкую щель. И катер на полной скорости влетел в эту щель.

Когда кок и справа и слева увидел скалы, едва различимые во мраке, но такие близкие, он почувствовал, что сердце его замерло. Он стоял на корме, на своём посту, у несложного приспособления для сбрасывания глубинных бомб в воду. «Нет, всё-таки мы входим в бухту! — подумал он со страхом и восторгом. — Нет, всё-таки наш лейтенант замечательный парень!»

«Всё дело в быстроте», думал Корольков, стоя у штурвала. Губы его были крепко сжаты, глаза устремлены вперёд, в темноту. «Только бы проскочить прежде, чем они успеют нас заметить!..» Внимание его было так напряжено, что кровь стучала в висках. Скалы поминутно вырастали перед самым бушпритом, и Корольков сразмаху швырял катер то вправо, то влево. Скалы теснились со всех сторон, и небо текло меж их вершинами узкой звёздной рекою.

И вот внезапно скалы расступились. Катер влетел в бухту. Опясанная высокими утёсами бухта в темноте казалась почти круглой. «Мы как в большой кастрюле», подумал кок.

Это была тёмная кастрюля, потому что свет луны, загороженной горами, в неё не проникал. Корольков удивился: неужели немцы до сих пор не заметили катера? И только он успел удивиться, как голубой луч прожектора, сорвавшись с берегового откоса, скользнул по воде.

Луч скользнул далеко за кормой, — немцы искали катер ещё у входа, а он был уже на середине бухты. В эту минуту Иванов доложил Королькову:

— Слышу подводную лодку. Она в надводном положении.

Он с точностью указал угол между курсом катера и подводной лодкой, а также расстояние, разделявшее их.

— Огонь! — скомандовал Корольков.

Открыв огонь, катер обнаружил себя. Лучи прожекторов — теперь их было четыре — кинулись к нему. Немецкие береговые батареи со всех сторон начали обстреливать бухту. Подводная лодка тоже открыла огонь из своих орудий, частый и неприцельный, — там, видимо, очень испугались. Снаряды, падая, вздымали к небу багровые столбы воды, озаряли мгновенным светом голые скалы высоких берегов. Вода в бухте бурлила, кипела. И по этой бурлящей и кипящей воде, ускользя от снарядов и прожекторов, нёсся катер широким зигзагом, — вправо, влево, вправо, влево и всё время вперёд.

«Быстрота, только быстрота!» — в который уже раз подумал Корольков. Снаряды неизменно попадали в то место, где катер был несколько секунд назад, били в его след. Даже прожектора не поспевали за ним, — ловили его на мгновение и тотчас же теряли. Ни одного десятка метров по прямой, — петли, восьмёрки, лесенки. И, несмотря на все эти повороты, всё время огонь по подводной лодке! И всё ближе к ней, ближе.

— Слышу шум торпед! — доложил Иванов. — Подводная лодка выпустила две торпеды!

Корольков знал, что в темноте попасть торпедами в маленький, быстро мчащийся катер почти невозможно. И всё-таки жутко было сознавать, что два незримых чудовища несутся на тебя и ты не можешь даже увернуться, потому что не видишь их.

Но прошла минута, и обе торпеды, пробежав через всю бухту, взорвались у береговых скал, далеко одна от другой.

— Лодка погружается! — доложил Иванов.

«Ага, мы загнали-таки тебя под воду! — подумал Корольков. — Ну, теперь не уйдёшь!» Охваченный тем счастливым азартом, который так знаком всем охотникам, он, среди рвущихся снарядов, бросил свой катер в тот угол бухты, где только что стояла подводная лодка, и прошёл над нею.

— Бомбы! — крикнул он.

И круглолицый кок стал сбрасывать в воду глубинные бомбы, словно картофелины в кипящий суп. Взрывы были так сильны, что катер сам мог бы подорваться на своих бомбах, если бы не быстрота, с которой он мчался. Когда бомба взрывалась, он был уже далеко впереди и только вздрагивал всем телом. Но акустику Иванову каждый взрыв причинял нестерпимые страдания. Усиленный шумопеленгатором, взрыв таким грохотом отдавался в его наушниках, что грозил прорвать ему барабанные перепонки. Но снять с себя наушники Иванов не мог, — сквозь весь этот грохот взрывов он вслушивался в стук моторов подводной лодки.

Подводная лодка металась по дну. Каждое мгновение меняла она курс: она была то справа от катера, то слева, то впереди, то сзади. Но Иванов всегда знал, где она находится, и катер повторял каждое её движение, и глубинные бомбы падали в воду.

Вдруг подводная лодка затихла.

— Я больше не слышу её, — сказал Иванов.

«Что с ней? Уничтожена? Или только притаилась?» подумал Корольков.

— Возьмите ведро и зачерпните воды из-за борта! — крикнул он коку.

Кок подошел к нему с ведром.

— В этой бухте не вода, — сказал он, поражённый.

— Не вода?

— Масло, товарищ лейтенант.

В ведре была чёрная вязкая жидкость.

Масло! Теперь уже не могло быть сомнений. Подводная лодка потоплена, раз из неё вытекло масло!

Снаряд разорвался совсем близко от катера, и катер так трянуло, что Корольков чуть не упал. Но он только рассмеялся. Теперь, когда подводная лодка потоплена, даже смерть не казалась ему страшной.

«Всё дело в быстроте», подумал он ещё раз. И катер помчался так быстро, что снаряды опять не поспевали за ним и били по его следу. Сквозь узкий проход в скалах он вырвался из бухты и выскочил на простор моря.

(Продолжение следует)

Про удава и носорога

Носорога увидав, говорил себе удав:
«Зайцев ел я уже много, проглочу-ка носорога».

Он подкрался к носорогу, ухватил его за ногу,

И, растягивая пасть, пообедал тут же всласть.

Но проснулся носорог,
Поднял кверху острый рог,
Разорвал удаву кожу и подумал: «Отчего же
Засыпал я на лужке,
А проснулся я в мешке?»

Год издания двадцать второй

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Редколлегия С. М. АЛЯНСКИЙ, А. П. БАБУШКИНА (отв. редактор), В. В. ВИАНИКИ, Ю. А. ВАСНЕЦОВ, В. В. ЛЕБЕДЕВ, С. В. МИХАЛКОВ, А. К. ПОКРОВСКАЯ, К. А. ФЕДНИ, И. И. ХАЛТУРИН, К. И. ЧУКОВСКИЙ, В. Л. ШВАРЦ. Техред. З. ТЫШКЕВИЧ.
Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К-0-48-23. Подписано к печати 7/VII 1945 г. А20295. Объем 2,5 печ. л. 2,8 уч.-изд. л. 32 000 экз. в печ. л. Тираж 100 000 экз. Заказ 1027.

3-я типография «Красный пролетарий» «Полиграфкино» Югиза при СНК РСФСР, Москва, Краснопролетарская, 16.